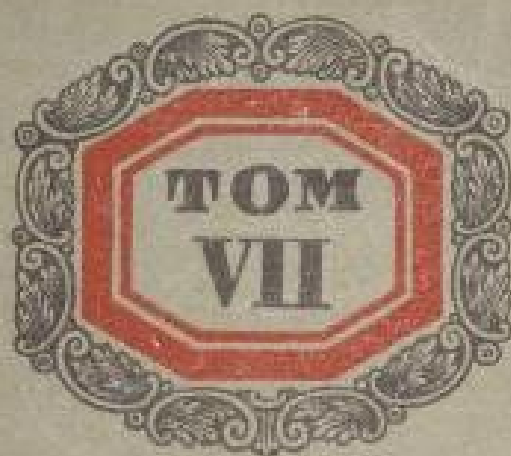

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

ПО МАТЕРИАЛАМ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
КОМИССИИ ВРЕ-
МЕННОГО ПРАВИ-
ТЕЛЬСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1927

ДБ
450

П 12

2:323.2 (47)

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ

допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной
Следственной Комиссии Временного Правительства

РЕДАКЦИЯ
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ДБ
450 10/7
П-12

Т. VII.

ДОПРОСЫ И ПОКАЗАНИЯ:

А. И. Шингарева, Н. Н. Чаплина, Ф. А. Головина, ген. А. А.
Поливанова, гр. В. Н. Коковцова, М. В. Родзянко, Н. Б. Щербатова,
А. Р. Ледницкого, А. В. Лядова, ген. Д. С. Шуваева

ПРИЛОЖЕНИЕ:

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К I—VII Т.Т.

~~БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
11/21/8~~

ДОПРОС ГЕН. Д. С. ШУВАЕВА.

11 октября 1917 г.

Содержание. Обстоятельства назначения Шуваева на должность военного министра. Письма и просьбы графа Ростовцева и бывшей императрицы. Отставка. Ген. Беляев. Беседы с бывшим монархом. Ответственное министерство. Отношение к Распутину. Разговоры и борьба с бывшей императрицей. Выступление Шуваева в Думе. Совет министров. Меньшинство. Отношение Шуваева к тому, что ему поручено было сказать в Государственной Думе. «Шпаргалка». История высочайшего повеления о привлечении мужского населения империи к устройству оборонительных сооружений. Как понимать закон о привлечении «местного населения» к оборонительным работам. Реквизиция. Необходимость проведения закона о повинности для инородцев. Самовольное распоряжение Штюмера. Обсуждение того же вопроса в военно-морской комиссии. Последнее назначение Шуваева.

Председатель. — Генерал, прошу вас занять место. Вы изволили быть назначены военным министром 15 марта 1916 года?

Шуваев. — Да.

Председатель. — Вы были назначены сразу?

Шуваев. — Сразу.

Председатель. — И пробыли в этой должности до 1 января 1917 года?

Шуваев. — Да.

Председатель. — Ваше назначение было для вас неожиданным, или вы его ожидали?

Шуваев. — Совершенно неожиданным.

Председатель. — Каким обстоятельствам вы приписываете ваше назначение на должность военного министра?

Шуваев. — Затрудняюсь сказать. Так я это и бывшему государю высказал. Я армейский офицер, в Петрограде никогда не служил и не желал служить. Главным интендантом меня взяли с должности корпусного командира и, несмотря на мои указания, что я не готов к этой должности, — назначили, и я должен был принять эту должность. Затем, когда я был в ставке, я, собственно говоря, тут

только имел возможность познакомиться с бывшим государем. Он обязал меня ежедневно обедать и завтракать у него, и тут произошло знакомство. Месяца через два с половиной он призывает меня к себе в кабинет и говорит: «Мне нужно поговорить с вами. Я к вам с просьбой, пожалуйста помогите мне. Вы интендантское дело поставили». Я говорю: «Ваше величество, какой же может быть разговор?» Я был убежден, что это какая-нибудь командировка, так как в бытность мою интендантом, у меня были две командировки не только в сфере интендантской, но и в сфере артиллерийской, инженерной и санитарной. Я был уверен, что опять какая-нибудь командировка самого щекотливого свойства, и говорю: «Ваше величество, прикажите». — «Я вас прошу принять место военного министра». — «Ваше величество, я не из той сферы, во-первых, а во-вторых, я не владею настолько иностранными языками, насколько это нужно военному министру и вообще министру. Если я болтаю с военным агентом во время завтрака и обеда, то это не то знание языков, которое я считаю необходимым для военного министра, и вообще от этого я просил бы меня освободить». В конце концов, так же, как при назначении на должность главного интенданта, я сказал: «Слушаюсь, ваше величество».

Председатель. — Что вы имели в виду, когда докладывали бывшему императору, что вы не из той сферы, что вы хотели этим сказать?

Шуваев. — Я буду прямо говорить: «я из солдатской среды, у меня знакомства не было, у меня только была служба, да в Исаакиевский собор ходил. Я бывшему государю говорю: «Ваше величество, я могу вас подвести и невольно поставить в неловкое положение. Мне придется и с послами бывать и быть в такой обстановке, где я могу сделать промах, не желая его делать». Все мои разговоры не привели ни к чему.

Председатель. — Вы получили какое образование? Кончили кадетский корпус?

Шуваев. — Кадетский корпус, артиллерийское училище и академию генерального штаба. Затем я все время служил на окраинах.

Председатель. — Скажите, со стороны двора не было к вам предварительных подходов для того, чтобы познакомиться поближе с вами, чтобы разъяснить, что вы за человек?

Шуваев. — Я потом этим и объяснил приглашение мое к высочайшему завтраку. Бывший государь посадил меня рядом с собой, когда в первый раз пригласил. Не скрою от вас, что я был в затруднительном положении и обратился не помню к кому из свитских, и говорю: «Вы мне скажите, как бы мне не сделать какой-нибудь бестактности. На представлениях — это одно: «Честь имею представиться, корпусный командир и т. д., а тут другое». Мне говорят: «Говорите, когда будут вас спрашивать». Я говорил сначала сдержанно, потом свободно, нисколько не стесняясь. Так мое знаком-

ство за обедами и завтраками произошло. Я не стеснялся и все говорил. Когда назначили меня военным министром, я на первом же докладе позволил себе сказать: «Ваше величество, позвольте мне говорить правду, как я ее понимаю, может быть, я ошибаюсь, но правду. При этом должен доложить, что правда всегда колючая, она бывает более колючая и менее колючая, но всегда колючая, а иначе я не могу». Когда меня назначили, я просил: «Ваше величество, я буду счастлив, но позвольте мне просить вас недели через две-три сказать мне, может быть, я не пригоден, может быть, не справлюсь с делом». Откровенно говоря, я дела не боялся, но я другого боялся. Через три-четыре недели пришлось поехать в ставку, и я спросил государя. Он говорит: «Нет, нет». В июне месяце спрашиваю опять — тоже «нет». Но дальше начало складываться не совсем гладко, и я не мог этого не видеть. Правда, тут был целый ряд докладов, целый ряд писем от графа Ростовцева, просьб от государыни императрицы. Я, по мере своего понимания (мне решительно все равно было), писал всеподданнейшие доклады: «Ее величество то-то и то-то; но это идет вразрез с законом, поэтому полагал бы отклонить». Было два-три таких случая. Доклады оставались у государя, затем, когда бывал личный доклад, он вынимал их из стола и говорил: «Так ее величество желает». Я говорю: «Я глубоко убежден, что, соблюдая закон, я больше поддерживаю престиж и вашего величества и государыни императрицы относительно призыва и освобождения от службы». Два-три раза он поддержал и согласился отклонить, но тут пояснять не нужно. При назначении государь дал мне письмо (может быть, он опасался, что я не явлюсь к государыне императрице, так как я ни к кому не являлся, и у Марии Федоровны не был), и я поехал с письмом. Другой раз я не мог выжить из академии генерального штаба лазарет государыни императрицы. Поехал и удалось выжить этот лазарет из академии. Это было во второй раз, когда я у нее был. Я не получал категорических указаний, но раз получил телеграмму, по поводу перемещения симферопольского уездного воинского начальника в Ялту, такого содержания: «Мною возбужден такой-то вопрос, но он до сих пор не рассмотрен в военном совете. Рассмотрите и доложите мне». Может быть, по невоспитанию, я не поехал и послал всеподданнейший доклад. Затем, когда 3 января, государь лично благодарил меня за службу, он сказал: «Я очень благодарен вам; но при современном положении России, наши взгляды (может быть, он употребил несколько другое выражение) не соответствуют общему политическому настроению». Потому что я с июля месяца подчеркивал и указывал: «Ваше величество, вы не можете отвечать, вы бог земли русской. Не могу я прятаться за ваше имя, и никто из министров не должен этого делать. Мы можем отвечать и должны отвечать, а вы, ваше величество, выше этого стоите, выше Государственной Думы и выше всех министров. Не позволяйте нам так

делать. Как чуть что-нибудь: — это — высочайшее повеление. Да откуда же явилось это высочайшее повеление? Оно явилось результатом того или иного доклада». Таким образом, после каждого доклада в этом направлении, оказывалось, что мои взгляды не совпадают. Он поблагодарил меня и назначил ген. Беляева, но мне не сказал о его назначении, вероятно, щадя мое самолюбие, потому что я, вступая в должность министра, сейчас же его уволил от должности помощника министра.

Председатель. — Почему вы удалили его?

Шуваев. — Он человек работоспособности удивительной, но он самое большее столоначальник; это удивительно узкий человек. Затем он неприятный по отношению к служащим. Кто ему устроил поездку за границу, я затрудняюсь сказать, но он поехал, напутал. Я, разобравши, представил всеподданнейший доклад, что нельзя такого начальника штаба держать. Тогда приезжала сюда французская миссия, приезжал Тома. Затем ездили в Англию.

Председатель. — Вы изволили сказать: «Я не этого боялся, я боялся другого». Что собственно останавливало на себе ваше внимание и заставляло вас бояться принять эту должность? Скажите, вот эти беседы, предварительные с государем, они касались военных вопросов или политических или тех и других?

Шуваев. — Больше военных, но иногда общих вопросов, пожалуй, и политических иногда. Я прямо по-солдатски ему говорил: «Нельзя идти против течения; направлять течение в другую сторону можно и должно, но против течения — всегда сломит». Он всегда соглашался. Я приводил ему такой пример: «Ваше величество, знаете, как несущийся табун останавливают?». «Нет», говорит. — «Вот в задонских степях...»

Председатель. — Вы там изволили служить?

Шуваев. — Я был 15 лет начальником казачьего училища. 20 лет я пробыл на Дону. — Когда табун несется, горе тому, кто задумает идти напротив, — это обезумевшее, в буквальном смысле, стадо; нужно впереди скакать, и затем вести за собой, но никоим образом не напротив, и мудрость правителя и правительства заключается в том, чтобы идти не за событиями, а впереди событий, предупреждать их. Вот в этом виде, я помню, соприкасался; но это так, это не доклад, а после доклада я оставался. Я постоянно подчеркивал необходимость снять с себя это непосильное бремя, которое он фактически не мог нести.

Иванов. — То-есть какое бремя?

Шуваев. — Именно бремя ответственности за всех. Я настаивал, чтобы министры отвечали перед Думою и перед государственным советом, т.-е. другими словами, как принято говорить, ответственное министерство.

Председатель. — Вы, генерал, со стороны жизни подходили к разрешению этого вопроса, а не со стороны какой-нибудь теории?

Шуваев. — Конечно.

Председатель. — Когда он прощался и сказал, что взгляды ваши «не подходят», как нужно понимать, какие взгляды не подходят, и настало время применения каких других взглядов?

Шуваев. — Я понял, что я надоел советами и указаниями на необходимость поставить министров в ответственное положение, и затем я неоднократно указывал, что опираться на армию с тем, чтобы противодействовать течению жизни, нельзя. Да и армии нет такой. Какая же это армия? Наберут крестьян, рабочих, шесть, семь недель поучат, много восемь, и затем — солдат. Какая же это армия? Это не есть армия, это милиция, самая такая... Все это указывает на то, что нужно зорко присматриваться к тем событиям, которые нас окружают, а не идти против течения. Вот я думаю, что эти взгляды не подошли, а затем, это ведь не секрет, что были влиятельные люди около придворных сфер. Я их к себе никогда не пускал, в некоторых случаях больше, чем не пускал. Когда являлись ко мне даже титулованные с письмами этими, я открывал дверь, ну, по деликатности говорил, что мне некогда.

Председатель. — Каких людей вы имеете в виду: Распутина и кого еще?

Шуваев. — Нет, только Распутин.

Председатель. — Он к вам пытался прийти?

Шуваев. — Он несколько раз просил прийти, а я говорю: «Я велел всех принимать; приемные дни четверг; в приемные часы». А он хотел иначе, а иначе я не принимаю.

Председатель. — Как к вашему назначению относился Распутин? Вы знаете, как он влиял, и у власти те, кто шел наперекор ему, не удерживались.

Шуваев. — Может быть, мое назначение было случайно. Оно в ставке было. Я тогда только еще в течение двух с половиной месяцев был главным полевым интендантом. Я думаю, что Распутин не повлиял, и не допускаю мысли, чтобы его вмешательство здесь было, тем более, что я, будучи главным интендантом, его оборвал. Ко мне приходил и дал записку один выгнанный служащий. «Мой родной, дорогой, прими...» и т. д. Я посмотрел, и этому чиновнику таких теплых слов наговорил, что он прямо чуть не кубарем полетел.

Председатель. — Это сейчас же по назначении или, может быть, до назначения, государь снабдил вас письмом и сказал: «Отвезите государыне»?

Шуваев. — Я 16-го, 17-го поехал из ставки в Петроград, и тут он мне и дал письмо.

Председатель. — Это был единственный раз, что вы видели императрицу?

Шуваев. — Нет, видел, когда хлопотал об академии главного штаба, а потом никогда не видал.

Председатель. — Какие темы во время этой беседы затрагивались, государственные или военные?

Шуваев. — Первый раз, когда я был, говорили об общественных организациях, что общественные организации развиваются и могут принести вред, а я говорю: «Как всякое, ваше величество, средство, может принести вред, но есть пределы, не переходя которых, мы получаем громадную пользу, не только пользу, но мы жить не можем, обойтись не можем без этого, и тот, кто говорит, что может без общественных организаций обойтись, или не понимает дела, или защищает то, что он не должен защищать. Я все время стоял, стою и умру с этим, что без общественных организаций нам решительно не обойтись в интендантском деле. Ведь это громадное дело — снабжение армии, 82 — 83% — интендантство. Если сто поездов идут на фронт, 81% — 82% будут интендантских, остальные артиллерийские и инженерные, и это понятно потому, что все пьют и едят. Это громадное дело. Мы призвали 14.000.000. Нужно их одеть, обуть, накормить.

Председатель. — Эти темы затронула бывшая императрица или вы?

Шуваев. — Нет, она. Она, вероятно, затронула потому, что, вы помните, в Москве бунт был? Там работницы поднялись и пошли к Елизавете Федоровне. Чуть скандал не вышел.

Председатель. — Ну, это маленький.

Шуваев. — Да, маленький, по сравнению с тем, что теперь, с последующими; но тогда это было событие. Меня, как главного интенданта вытребовала императрица и говорит: «Вот от сестры получила письмо. Она жалуется, что ей интендантство не дает работы, и вследствие этого происходят беспорядки». Я позволил себе сказать: «Ваше величество, я всю жизнь прослужил, служил верой и правдой царю и отечеству, позвольте служить и остаток дней моих верой и правдой, а правда указывает, что в сообщении великой княгини, по меньшей мере, недоразумение». Тут как раз одна из великих княжен прибегает: «Вы, — я говорю, — и вот великая княжна, еще, простите, девочка, идете всей душой, чтобы принести помощь ближнему, а кто пристраивается к этому делу, у тех далеко не святые побуждения. Позвольте сказать, что вам осветили дело совершенно неправильно. Работа была дана. Они взяли и дали больше, чем по программе, а теперь говорят отобрать и у других поставщиков, — равенство. А знаете, что будет? Выгонят работниц на улицу, эти работницы явятся и скажут — почему? — по приказанию великой княгини, и тогда явится не три, а пять тысяч, и будет такой бунт, такой погром, перед которым и это побледнеет. Что можно — будет дано, а чего нельзя, простите, не могу. Как прикажете».

Председатель. — У вас короткая была беседа?

Шуваев. — Короткая. Я поклонился, руку поцеловал, и все.

Председатель. — А второй раз?

Шуваев. — Больше я не был, а для меня загадка, как я попал в военные министры. Могу только сказать, что не мед.

Председатель. — Генерал, скажите, письменно, потом, через секретаря, она вмешивалась в деятельность вашего ведомства, ваших товарищей?

Шуваев. — Видите ли, она писала таким образом: «Оркестр Андреевских балалаечников». В этом оркестре по началу освободили еще до меня, для поддержания искусства. А при мне, для поддержания дальнейшего искусства, нужно было еще освободить от повинности. Он дает концерты, и деньги с этих концертов идут на поддержание лазаретов имени ее величества, так что, разумеется, их желательно освободить. Ну, мне подали всеподданнейший доклад; я его перечеркнул и, по-своему, нарубил, что «государыня императрица ходатайствует о том-то». Затем число, и еще: «Представляя вышеизложенное на благоусмотрение вашего императорского величества, почитаю долгом доложить, что освобождение, в подобных случаях, приводит к самым нежелательным последствиям, возбуждает ропот и неудовольствие в армии и населении, а потому не благоугодно ли вашему величеству будет отклонить, как в этом; так и в последующих аналогичных случаях (это, чтобы заручиться), или последует иное постановление?». Ну, оно держалось долго, недели полторы, две, и не скажу, чтобы я не дождался доклада. Наконец, получаю: «Отклонить». Не нужно говорить, как я был доволен: «отклонить» — значит, и в последующих случаях тоже. Также и производство полковников в генералы. «Ну, что же?» — «Закон есть, вы изволили его утвердить, одобрить». — «Ну как же быть?» — «Ваше величество, воля ваша, а я по долгу присяги должен доложить вам». — «Ну, отклонить». Я пишу секретарю: «Милостивый государь, граф. . .» не помню его имя, отчества. . .

Председатель. — Ростовцев?

Шуваев. — Да, — «по докладу его величество ходатайство государыни императрицы изволил отклонить. . .» и т. д. Нельзя же иначе.

Председатель. — Вы замечали, что, по мере всего этого, нарастало и нерасположение к вам?

Шуваев. — Вот мое выступление в Думе. . .

Председатель. — В ноябре. Вот, пожалуйста, у нас тоже записан этот вопрос.

Шуваев. — В ноябре. 4 ноября. Вам что угодно, обстоятельства предшествовавшие?

Председатель. — Мне по поводу выступления. Это частный вопрос, который я хотел задать в числе других вопросов, клонившихся к разъяснению того, что вы нашли в министерстве. Какое отношение к делам государства, к Государственной Думе, и вообще, какую политику, за несколько месяцев пребывания вашего у власти,

вы наблюдали у членов совета министров по отношению к важнейшим вопросам того времени?

Шуваев. — По отношению к Думе там единодушия не было.

Председатель. — В совете министров?

Шуваев. — Да, глубокоуважаемый Н. Н. Покровский — кристальный человек. С этим куда угодно. Затем граф П. Н. Игнатъев. Ну, а затем, я затруднился бы сказать: П. Л. Барк, он так, неопределенно, в зависимости от обстоятельств, может быть, а может быть, и от службы. Я чувствовал своими единомышленниками Покровского и, затем, гр. Игнатъева. Мы признавали необходимым действительно работать с Государственной Думой и опираться на нее. Морской министр, он, затрудняюсь сказать, он и так и этак, так что после моего выступления он тоже присоединился. Повторяю, про себя и про названных лиц, могу сказать, что мы шли и желали работать с Государственной Думой, а что касается остальных, то я не могу видеть в них единомышленников; все они, в большей или меньшей степени, сходились; но у меня взгляды с ними не сходились.

Председатель. — Что же они находили в этом отношении?

Шуваев. — Что Дума, скажем, переходит границы в своих резких суждениях по отношению к правительственной власти и что нужно, ну, я затрудняюсь сказать, создать такие условия, чтобы Дума, как бы выразиться точнее, не то, чтобы она подчинялась, но чтобы она скорее пошла за правительством.

Председатель. — Генерал, вы изволили на своих докладах бывшему императору указывать на необходимость, так сказать, пойти ему за тем меньшинством совета министров, к которому принадлежали вы?

Шуваев. — Настоятельно указывал. Говорить много приходилось, между прочим, вот так: «Ваше величество. Ведь, Дума существует по воле вашего величества. Мало того, вам угодно было подчеркнуть ее существование своим посещением. И я не могу, может быть, я ошибаюсь, но ведь это был великий исторический день в жизни России, когда вы изволили так поступить. Так как же мы, министры его величества, никак не можем установить того контакта для совместной работы с Думой, который требуется? Ведь история не будет разбирать потом, по инициативе ли Государственной Думы, государственного совета или какого-нибудь министра проведен известный закон. Ведь закон получает силу тогда, когда вашему величеству благоугодно изъявить согласие и начертать «быть по сему». А история будет говорить: в царствование вашего величества такой-то закон проведен, то-то сделано. Это все на тему: «вы должны быть выше министров, вы бог земли русской, который объединяет». — Об этом неоднократно и многократно приходилось ему говорить. И, слушая, он как будто, соглашался. Но затем, вероятно, доводы были более веские, и такое быстрое разде-

ление мнения или взгляды на подобное мероприятие потом устранялось.

Председатель. — Генерал, вы изволили упомянуть о вашем выступлении в Думе. Не можете ли вы предпослать некоторый очерк обще-политического положения, в котором очутился совет министров? Ведь для вас не было тайной, что в Думе будут требовать удаления Штюмера?

Шуваев. — И вообще ожидался целый ряд крайне нежелательных, резких выступлений в Государственной Думе. С тем, чтобы предотвратить их, собиралось несколько заседаний совета министров. На этих заседаниях, по началу, была выработана, ну, программа, что ли, чтобы сначала Н. Н. Покровскому войти в соглашение, чтобы та речь, которую имелось в виду произнести, со всеми этими резкостями, чтобы она была или изменена или совсем не произнесена.

Председатель. — Т.-е. чья речь?

Шуваев. — Я не помню.

Председатель. — Депутата Думы Милюкова или Штюмера?

Шуваев. — Нет, депутата Думы. С ним войти в переговоры. И Николай Николаевич как будто ездил и говорил. И он искренно, от всей души хотел наладить эти отношения. Может быть, они и наладились бы. . . Тут принимал участие и Игнатьев, с другой стороны, частным образом, но принимал. Но вмешался в это Протопопов. Ну, и в совете министров не было выяснено, но говорят, он сказал, что разгонят Думу, и это, будто бы, испортило всякое отношение. Словом, сидели вечер, один, другой, третий, и все не двигалось, а время открытия Думы все приближалось. Наконец, Дума открылась. Вы знаете, как отчитали там Штюмера. Говорят, что все-таки нужно дать пояснение, нужно в Думе кому-нибудь выступить. Ну, один, другой, третий. А потом, кому? Да военному министру. С этим обращается Штюмер: «Вам». Я говорю: «Что же? Я солдат; если приказываете, выступлю». И нужно это было, как будто, экспромтом, т.-е. упрашивать, а затем Макаров вынимает листок и читает: а сказать, примерно, вот что. Я встаю: «Извините (встает с места), извините, а то, что сказать, это позвольте мне знать». Я говорю: «Мне приходилось говорить и перед бунтующей толпой населения, и перед бунтующими солдатами, и господь бог помогал. И тут так, то, что сказать, вы уж извините. Раз вы меня уполномочиваете». . . — «Ну в общем, о чем вы будете говорить?» — «А буду говорить о том, что война не нами начата, что мы должны ее кончать, что нужно всем дружно вести. Ну, общие такие выражения, и никаких шпаргалок ни от кого. Я по своим шпаргалкам не могу, а по чужим тем более». И меня прямо, извините, задело это. Ну, затем морской министр. Я приехал в Думу. Никто не ожидал. Попросил слова. Вышел и сказал. Я с тех пор Штюмера не видел, после того, как сказал. Ну, затем,

тогда я был в ставке, там это произвело впечатление сильное, как разорвавшаяся бомба. Кто ругал, кто одобрял. Все не знали, как же отнесется государь. Я пошел к нему с докладом и имел в виду доложить все текущие дела, а потом, если угодно будет ему спросить. Но как-то вышло так, что чуть ли не с этого пришлось начать. Я ему говорил о предшествовавших обстоятельствах: «Вот, говорю, ваше величество, к чему это привело. Чего хлопотать! Если не хотите устроить хороших отношений, а тут непременно нужны хорошие отношения, кого же выбрать? Выбрать такого, который пользуется доверием Думы. Этот случай показывает, что министры должны работать рука об руку с Государственной Думой и государственным советом». Ну, затем рассказал ему, что я сказал: «А затем, — говорю, — как угодно вашему величеству». Он меня поблагодарил. Я вышел оттуда. Но можно думать, что здесь не то произвело впечатление. И, может быть, тогда же был решен вопрос о том, чтобы, может быть. . .

Председатель. — Т.-е. «здесь», это вы имеете в виду Царское Село?

Шуваев. — Да, Царское Село.

Председатель. — Скажите, генерал, а что было в записке А. А. Макарова, что было, как вы называете, в шпаргалке? Что Александр Александрович хотел, чтобы вы сказали?

Шуваев. — Нет, я решительно не помню. Меня самый факт, видите, смутил. Я ему не дал читать. Он начал читать: вот то-то докладывайте. В роде того: милостивые государи. Нет, я говорю, извините.

Председатель. — Позвольте вам напомнить то место, к которому я хотел вернуть вас: «Ваше величество, я буду счастлив, но позвольте доложить вам и просить вас недели через три сказать. Может быть, я не годен, может быть, не справлюсь с делом. Откровенно говоря, я не боюсь, я другого боюсь».

Шуваев. — Т.-е. придворной интриги.

Председатель. — Генерал, будьте добры дать краткий очерк того, как возникла мысль об этом высочайшем повелении, к которому вы оказались причастны, о привлечении мужского населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений, и какое было тут участие Штюмерера, и какое ваше, потому что это имеет для нас значение.

Шуваев. — Тут, главным образом, требования ставки, во что бы то ни стало, дать рабочих. Они начали с миллиона. С одной стороны, дать миллион рабочих, — извините, я цифры могу перепутать, а с другой стороны, около 300.000, средним счетом, пополнения в армию. В общем счете, это около трех миллионов с лишним нужно давать в год. А у нас всего населения, которое могло бы пойти на укомплектование, было около двух миллионов. Очевидное дело, у нас внутри России нельзя было добыть этих рабочих. Тогда

ставка категорически заявила: «Ну тогда мы всех будем забирать на фронт». Т.-е., что значит на фронт? Это не значит буквально там, где корпусный район. А это значит весь тыл, т.-е. Киевская, Черниговская, часть Витебской и Петроградской, вообще все то, что входит в район театра военных действий. Таким образом, я решительно был поставлен в невозможность обойтись без какого-нибудь источника, который бы давал эти миллионы. Но, параллельно с этим, шла усиленная торговля со ставкой в лице начальника штаба верховного главнокомандующего.

Председатель. — Генерала Алексеева?

Шуваев. — Да. Я на 300.000 людей указывал ему в месяц.

Председатель. — Это 10.000 людей в день?

Шуваев. — Да. И на необходимость это уменьшить. И, таким образом, пришли к 400.000.

Председатель. — 400.000?

Шуваев. — Рабочих. Вместо миллиона дать 400.000. Так вот, где же их взять? По началу и раньше, был вопрос о привлечении к отбыванию воинской повинности инородцев. Но какой повинности? Видите, был запрос ген.-губернатору и всем местным властям; это за тем, чтобы министерство финансов не получило того... Одним словом, признали необходимым этот вопрос отложить. А между тем, нужно во что бы то ни стало этих рабочих получить. Как же получить? И получить их немедленно, можно сказать, получить не по закону какой-нибудь повинности, а немедленно должны были получить. Это настоятельно требовалось, как письменно, так и словесно, при поездке в ставку. Я, вернувшись из ставки, позвал к себе с разрешения Штюрмера, Куколя-Яснопольского, затем начальника главного штаба ген. Аверьянова и Фролова и говорю: «Мне во что бы то ни стало, хоть тресни, а нужно рабочих, иначе, говорю, мы проиграем кампанию». Если рабочих, то это в рамках существующего закона можно.

Иванов. — Т.-е. по найму?

Шуваев. — Да, деньги платить. Но это все-таки наряд рабочих, привлечение рабочих. Мне, извините, решительно все равно, а Куколь-Яснопольский говорит, что, если бы даже и введена была повинность, она повлечет за собой гораздо больше неприятностей. Я говорю: «Мне дайте 400.000 человек». В пределах каждого округа, Туркестанского, затем Сибирского, командующие войсками имеют право, имели, да и теперь, вероятно, имеют право призывать рабочих».

Председатель. — Так что потребовалось по 400.000 рабочих с каждого округа?

Шуваев. — Нет, всего 400.000. Ведь, собственно, стояли на той точке зрения, что объявляется призыв новобранцев. Говорят, призывается 500.000, а затем министерство внутренних дел делает разверстку и призывает. Правда, в этих комиссиях есть представители

военного министерства, но это не дело военного ведомства. А в военное ведомство дело попадает с того времени, когда оно приходит к воинскому начальнику. Таким образом, военное министерство назначает количество. А затем разверстка и все последующее, это есть дело министерства внутренних дел. Потом, когда они явятся на сборный пункт, они снова попадают в ведение военного министерства. Таким образом, и тут военное министерство или, правильнее говоря, ставка, а мы являлись исполнителями. 400.000 министерство внутренних дел распределило между населением, при участии генерального штаба, а затем министерство внутренних дел отдало все распоряжение по призыву, а когда они начали собираться в команды, тогда они снова поступают в военное министерство, которое уже их отправляет. Тут происходит смешение. Я далек кого-либо обвинять, но военное министерство сказало — 400.000, распределило, призвало, хотя это не дело военного министерства, а дело министра внутренних дел, а раз пришли, сформировали части и отправили — это дело военного министерства. Я до сих пор остаюсь убежденным, что тут нового закона не было, а был закон о привлечении местного населения к оборонительным работам; причем слово «местное» понималось и на театре военных действий таким образом, что это не относительно жителей, а относительно той власти, которая определяет, потому что, если стать на иную точку зрения и сказать, что призываются только местные жители, призвать рыть окопы местных жителей только в Киевской губернии, то из Подольской их нельзя призвать. А понималось таким образом: губернатор — в пределах губернии; генерал-губернатор — в пределах губернаторства; командующий фронтом — в пределах фронта. Но так как фронта и театра военных действий не было, и командующий войсками имел право призывать, то ему приходилось отправлять на театр военных действий людей вне своего района. Правда, по отношению к самому тылу, хозяином являлось как бы военное министерство, но нигде этого точно не указано, так можно только толковать. В этих видах мною и было испрошено высочайшее соизволение, чтобы мне их не призывать. Призывать их могли командующие войсками, а отправлять, т.-е. предоставлять военному министерству на них право, мог главнокомандующий фронтом. Так что, по-моему, тут не было нового закона. Затем, положение крайней необходимости; это нужно было во что бы то ни стало сделать. Затем меня спрашивали, почему я не запросил генерал-губернаторов? Да потому, что я не смотрел на это, как на новый закон; если бы это была воинская повинность в более широком смысле, тогда нужен новый закон.

Председатель. — Позвольте считать, что вы основываетесь на законе, который изображен в ст. 139, 18 книги свода военных постановлений о реквизиции. Закон этот гласит так: «Реквизиция есть принудительное приобретение от жителей всякого рода мест-

ных средств, необходимых для удовлетворения нужд армии, а равно и обязательный наряд местных жителей для производства всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами». Вот как говорит закон. Значит, он позволяет принудительно приобретать от жителей местные средства и самих местных жителей брать в обязательные для них наряды для производства всякого рода работ. Каким образом, по этому закону, вы находили возможным жителей, скажем, Туркестанского края, брать и везти на театр военных действий? Это высочайшее повеление, которое вы в порядке верховного управления испросили, не идет ли оно вразрез с законом?

Шуваев. — Позвольте сказать по поводу статьи закона. Сказано «местных жителей». Если я из деревни Ивановки, и могу быть вызван в деревню Петровскую для таких-то оборонительных работ, и если стать на эту точку зрения, то закон теряет всякое значение. Никому нельзя местных жителей дальше своей деревни везти.

Председатель. — Вы теперь защищаете это повеление; но не было ли так, что вначале военное ведомство в вашем лице стояло на совершенно правильной точке зрения о необходимости просто объявить особый призыв, а потом уже министерство внутренних дел повернуло вас на другую точку зрения.

Шуваев. — Сначала я стоял на такой точке зрения, что нужно ввести повинность, даже воинскую повинность, и до меня это дело разрабатывалось. . .

Председатель. — Т.-е., чтобы издать закон о том, что инородцы перестают быть свободными от несения воинской повинности?

Шуваев. — Может быть, с некоторыми отступлениями.

Председатель. — Для формирования особых частей или для специальных надобностей?

Ольденбург. — Дума тоже имела в виду ввести особую воинскую повинность для инородцев, в виду необходимости привлечь их в военное время.

Шуваев. — Но вопрос не получил разрешения в виду несвоевременности и незначительного числа. Насколько я помню, рассчитывали получить всего около 30.000.

Председатель. — Т.-е. если бы этот призыв ограничился одной только возрастной группой?

Шуваев. — Да. Это нашли несвоевременным. Я до сих пор стою на том, что закон этот нужен, а наряд на работы — реквизиция, это другое дело. Меня поставили в узкие рамки. При начале было много суждений в ставке, а тут пришлось поставить это в рамки реквизированных рабочих, без всяких надежд и предположений на будущее. И я смотрел на это, как на реквизицию.

Председатель. — Значит, этим ответом вы изволили выразить, что тут не замена закона об особом призыве, как я предположил, а мнение о необходимости издать такой закон оставалось у вас даже и тогда, когда вы испросили это высочайшее повеление?

Шуваев. — Это совершенно другой порядок, это реквизиция.

Председатель. — Какое же участие в испрошении этого закона принимал министр внутренних дел и председатель совета министров?

Шуваев. — Нужно было решить вопрос больше военный относительно этих рабочих в пределах театра войны. Скажем, из Витебской губернии можно было бы в Варшавскую послать. Для того, чтобы прислать, есть реквизиция. Затем, привезти их оттуда — это касалось военного ведомства, и потому порешили, что я должен испросить высочайшее соизволение.

Председатель. — Это порешили где и с кем?

Шуваев. — Штюрмер, я и Куколь-Яснопольский.

Председатель. — Куколь-Яснопольский, как исполняющий обязанности министра внутренних дел?

Шуваев. — По отбыванию воинской повинности.

Председатель. — Штюрмер и вы это решили?

Шуваев. — Да. Доклад был с общего согласия, я давал прочитать.

Председатель. — Вы помните, что была телеграмма Штюрмера, в которой он, без всякого сношения с военным министерством, предписывал принять меры к призыву этих людей? Эти меры и повлекли за собой восстание. В пункте 2-м этого высочайшего повеления совершенно определенно сказано: «Определение возрастов, подлежащих привлечению к работам, и установление подобных правил привлечения к этим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном 3 августа 1914 года положении военного министра, предоставить соглашению министра внутренних дел и военного». Как случилось, что Штюрмер, обязанный согласно этого повеления с вами сговориться и относительно возраста, и относительно порядка исполнения этого повеления, сам дал телеграфное распоряжение о приведении в исполнение этого высочайшего повеления?

Шуваев. — Теперь неудобно говорить. Если бы Штюрмер был жив, я бы свободнее говорил. Послали телеграмму, а потом за нее ухватились.

Председатель. — Т.-е. спохватились, да поздно?

Шуваев. — Да. Вообще по отношению к Штюрмеру я связан.

Председатель. — Во всяком случае, вы потом только узнали об этой телеграмме?

Шуваев. — В следствии это есть.

Председатель. — Генерал, еще последний вопрос. Вам приходилось высказываться или давать объяснения по поводу истории и издания этого повеления перед военно-морской комиссией?

Шуваев. — Приходилось.

Председатель. — Какое же было ваше отношение к изданию этого повеления и какую вы заняли там позицию?

Шуваев. — Это опять-таки повторение того же самого. Я не помню, кто-то сказал: «министр прикрывается за государя».

Председатель. — Это самое для вас неприятное?

Шуваев. — Я говорю: «Нет, извините, никогда не прикрывался, и не буду прикрываться, а где я виноват, я должен и отвечать». Это мое убеждение. Не по отношению к этому случаю, а я вообще сказал. По отношению же к этому случаю, до сведения его величества было доведено о распространении предоставления этого права. Это и был новый закон.

Председатель. — Вы изволите теперь занимать какую-нибудь должность? Вы член военного совета?

Шуваев. — Я подал в отставку. Я был сверхштатным членом государственного совета.

Председатель. — А сейчас вы продолжаете быть членом государственного совета?

Шуваев. — Заштатным.

Председатель. — Так что вы были назначены еще при старом порядке, прямо членом военного совета?

Шуваев. — Нет, членом государственного совета, неприсутствующим.

Председатель. — И членом военного совета?

Шуваев. — Нет. Когда А. И. Гучков был военным министром, он просил меня принять участие и поехать на фронт. Я на фронт ездил, но он нашел, что это трата денег, и просил больше не ездить.

Председатель. — Позвольте вас поблагодарить.
